

ТЕМАТИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПАРЕМИЙ)¹

В настоящее время необходимость изучения народных примет объясняется тенденциями, наблюдаемыми в современной лингвистике в связи с процессами глобализации и активного взаимодействия различных национальных культур, что стимулирует проведение исследований национальных языковых картин мира, особенностей языкового сознания различных народов, проявления национально-специфических черт в процессе концептуализации и категоризации человеческого опыта взаимодействия с окружающей действительностью (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Е.С. Яковлева, А. Вежбицкая, Г.Д. Гачев, О.А. Корнилов, В.А. Маслова, М.В. Пименова, А.Д. Шмелев, Р.Р. Замалетдинов, Е.Ф. Арсентьева, Г.А. Багаутдинова и др.).

Целью настоящей статьи является изучение имеющихся в отечественной и зарубежной лингвистике классификаций народных примет и составление на их основе собственной таксономии паремиологических единиц данного типа.

В отечественной и зарубежной традиции изучения примет известно множество классификаций примет по тематическому принципу.

Еще в XIX веке И.М. Снегирев в составе пословиц выделял метеорологические и земледельческие приметы [Снегирев 1832: 3]. К.Ф. Агринский, исследуя метеорологические приметы, разграничивал их на общие, описывающие наиболее характерные признаки и свойства погоды, и частные, «приуроченные только к известным, определенным дням какого-нибудь месяца» [Агринский 1899: 14]. А.Н. Афанасьев, в отличие от примет, «выведенных из действительных наблюдений», выделял также суеверные приметы [Афанасьев 1986: 240]. В.И. Даль рассматривал суеверные приметы в составе поверий, под которыми тонкий знаток русского фольклора понимал «всякое укоренившееся в народе мнение или понятие, без разумного отчета в основательности его. Из этого следует, что поверье может быть истинное и ложное; в последнем случае оно называется собственно суеверием...» [Даль 1880: 2].

В.К. Харченко и Е.Е. Тонкова выделяют четыре кластера примет: календарные, погодные, обрядовые, бытовые [Харченко, Тонкова 2008: 35-36]. В классификации О.Б. Христофоровой основным признаком разграничения примет выступает «поведение» элементов природного и культурного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ 12-14-16021а и 13-14-16502г «Волжские земли в истории и культуре России-2013», проекты «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития», Международная научно-практическая конференция «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития».

окружения человека, что позволяет автору выделить пять основных тематических групп примет [Христофорова 1998: 31-33]:

- 1) метеорологические и другие природные явления;
- 2) «поведение» материальных предметов и объектов;
- 3) поведение животных, птиц и других представителей фауны;
- 4) поведение людей;
- 5) приметы-предчувствия, основанные на ощущениях тела.

Тематические классификации НП зарубежных авторов представляют более подробные таксономии [Кулькова 2011а:29-36].

Швейцарский ученый Альберт Гаузер выделяет метеорологические приметы (*Wetterregeln*), приметы, выражающие прогноз в отношении сельского и лесного хозяйства (*land- und forstwirtschaftliche Regeln*), приметы, основанные на наблюдениях за луной (*Mondregeln*), приметы в зависимости от дней недели (*Wochentagsregeln*) и астрологических знаков (*Zeichenregeln*), заговоры и пророчества (*Beschwörungs- und Orakelregeln*) [Hauser 1973].

Классификация австрийского исследователя примет Германа Казерера содержит 12 групп примет, важнейшими из которых являются приметы по календарным праздникам (*Bauernregeln nach den Lostagen*), метеорологические приметы, дающие достоверный прогноз погоды (*richtige Wetterregeln*), приметы, описывающие рост и развитие растений, а также крестьянскую работу в течение года (*Bauernregeln, die das Verhalten von Pflanzen und Tieren und die Arbeit der Bauern im Jahreslauf beschreiben*), приметы, выражающие прогноз в отношении урожая, а также описывающие влияние состояния погоды на урожай (*Bauernregeln, die sich mit der Ernteproggnose und dem Einfluß des Wetters auf die Ernte beschreiben*) и др. [Kaserer 1926: 1-36].

Более четкую классификацию народных примет дает немецкий исследователь Элизабет Кнапп, которая различает календарные метеорологические и сельскохозяйственные приметы (*an den Kalender gebundene Wetter- und Erntevorhersagen*) и метеорологические приметы, выражающие прогноз вне зависимости от календарной характеристики дня (*allgemeingültige, von Kalendertagen unabhängige Wettervorhersagen*). В первой группе автором выделяются приметы по праздникам, началу года, временам года и дням недели. Ко второй группе относятся приметы по погодным явлениям, состоянием небесных тел, звукам природы, животным, растениям, явлениям в доме и во дворе [Knapp 1939].

С учетом приведенных выше классификаций, а также руководствуясь поставленными задачами в настоящем исследовании, мы разграничиваем приметы на три основных блока по тематическому признаку:

- а) погодные, или метеорологические приметы;
- б) сельскохозяйственные приметы;
- в) бытовые, или суеверные приметы.

На основе анализа причинно-следственной связи в НП названные выше группы паремий выделяются Н.Н. Фаттаховой в составе более крупных блоков – примет с ожидаемыми и желаемыми следствиями. Как указывает автор, в первом случае приметам свойственно наличие естественной связи между

пропозицией-условием и пропозицией-следствием, при этом «осуществление условия независимо от воли говорящего автоматически влечет за собой выполнение следствия» [Фаттахова 2002: 29]. Во втором случае семантическая связь между рассматриваемыми двумя пропозициями, по мнению автора, характеризуется наличием субъективно вычленяемых связей между явлениями объективной действительности [Фаттахова 2002: 30]. Ср. разделение примет Е.Г. Павловой на приметы-собственно прогнозы, у которых прогноз является единственным функциональным и смысловым признаком, и приметы-правила, имеющие помимо прогноза функциональные признаки таких речевых действий, как совет, запрет [Павлова 1984: 294-297]. Каждую из выделенных групп примет автор подразделяет далее на естественные и суеверные, подчеркивая неподвижность границ между ними.

На наличие причинно-следственной связи между явлениями указывал еще А.А. Потебня, рассуждая о возникновении народных примет. Трактую приметы как «видоизменение сравнения», А.А. Потебня тонко замечал, что в приметах осуществляется перенос связи между сравниваемыми предметами на явления, описываемые в примете: «примета предполагает, что лежащие в ее основании члены сравнения тесно ассоциировались между собою и расположились так, что в действительности дан только первый вызывающий своим присутствием ожидание второго» [Потебня 1913: 176].

Обширный паремиологический материал свидетельствует о том, что предсказываемое событие касается не только явлений природы, состояния урожая, развития растений и животных, но и участвует в сложной цепи моделирования человеческой деятельности в соответствии с обуславливающими факторами. Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ выделял помимо репрезентативной функции языка коммуникативную, отмечая, что язык «может представляться, с одной стороны, действием, делом, с другой – вещью, предметом внешнего мира» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 81]. Возникновение речевых действий выдающийся ученый описывал так: «Зародыш отождествления языка с действием, делом, замечается, между прочим, в различии впечатления, испытываемого, с одной стороны, от похвалы и одобрения, с другой – от осуждения и порицания. Оскорбление словом, обида, клевета считаются более или менее равносильными оскорблению действием: за них полагается ответственность, дальнейшим последствием которой может быть наказание» [Там же]. Силу воздействия речевых высказываний подобного рода И.А. Бодуэн де Куртенэ иллюстрирует с помощью следующих пословиц: «Не ножа бойся, а языка», «От одного слова да на век ссора», «Бритва скребет, а слово режет», «Слово пуще стрелы разит» и др., служащие средством выражения такого речевого действия как предостережение, являющегося одной из разновидностей прескрипций, или предписаний. Другими средствами проявления языкового манипулирования человеческим поведением выступают дескрипции, или простые утверждения, описания, а также оценочные высказывания.

На трехмерный характер «поведения знаков» указывал и известный ученый в области семиотических исследований Ч.У. Моррис: «Знак является

означающим, или десигнативным (*designative*), если он означает *наблюдаемые* свойства окружения или действующего лица; *оценочным* (*appraisive*), если он означает завершающие (*consummatory*) свойства того или иного объекта или ситуации, и, наконец, знак является *предписывающим* (*prescriptive*), если он означает, как надо реагировать на объект или ситуацию, чтобы удовлетворить руководящий импульс» [Моррис 1983: 121].

Таким образом, в зависимости от своей первичной функции в речевом общении приметы, представляющие знаки целых ситуаций, можно подразделить на три основные группы высказываний: *дескриптивные*, или описывающие; *оценочные*, или аксиологические, и *прескриптивные*, или предписывающие [Кулькова 2011б: 13-14].

Предлагаемая функциональная характеристика примет объясняется нетождественностью описываемых типов паремиологических высказываний и основывается на трех основных употреблениях языка: информативном, экспрессивном и эвокативном. «В случае первого язык используется для формулировки истинных или ложных суждений; при втором – для выражения состояний сознания говорящего; при третьем – для оказания влияния на слушателя, для возбуждения у него определенных мыслей, оценок, стремлений к некоторым действиям» [Ивин 1970: 12]. Г.А. Золотова, выделяя основные речевые блоки, противопоставляет друг другу два центральных коммуникативных типа предложений, или регистра речи: изобразительный и информативный [Золотова 2003: 349]. Применительно к функциональной классификации примет первый речевой блок включает прескрипции и оценки, а второй, соответственно, дескриптивные паремии.

Дескриптивные приметы представляют в основном описание окружающей действительности, стимулируя ментальную деятельность человека. В дескриптивных паремиях глагол используется в индикативном наклонении:

«По зиме ложится лето» [Ермолов-IV: 9], «На егорьевской неделе прилет ласточкам» [Даль: 647], «Март с водой, апрель с травой, а май с цветами» [Лютин: 36], «Wie es wintert, so sommert es» [Ермолов-IV: 9], «Zu Maria Verkündigung (25. März) kommen die Schwalben wiederum» [Binder: 89], «Märzenschnee frisst, Aprilschnee düngt» [Yermoloff: 153] и др.

Так, основная функция дескриптивных паремий – репрезентативная.

Вторую группу образуют оценочные, или аксиологические приметы. По мнению А.А. Ивина, оценочные высказывания – «это предложения, говорящие о том, что человек считает ценным, что он считает плохим и что безразличным, предложения, выражающие убеждения людей о том, что есть добро и что есть зло» [Ивин 1970: 11].

В логическом направлении философии оценочные рассуждения противопоставляются дескриптивным (см. [Hare 1972], [Ивин 1970], [Ивин 2006] и др.). Дихотомия «описание – оценка» затрагивает проблему модальности, выражения определенного отношения говорящего к предмету речи. В случае оценочного отношения к предмету / явлению / событию осуществляется умственный акт характеристики объекта оценки с точки зрения

его положительных, отрицательных либо нейтральных качеств. Приведем примеры оценочных паремий:

«Перед Николой иней – *овсы хороши будут*» [Даль: 664], «Гром на юге – *урожай хороший*, на западе – *средний*, на востоке или севере – *плохой*» [Грушко: 345], «Обильные росы предвещают *хороший урожай*» [Рыженков: 90], «Wenn Sankt Vinzent schwenkt den Hut, dann gerät *der Hafer gut*» [Binder: 64], «Donnert's in den März hinein, *wird der Roggen gut gedeih'n*» [Schleer: 47], «Abendtau im Mai gibt *das rechte Heu*» [Binder: 107] и др.

И, наконец, третью группу составляют прескриптивные приметы, представляющие побудительные высказывания, цель которых заключается в активизации ментальной и физической деятельности адресата в соответствии с ожиданиями прескриптора, или говорящего. Среди прескриптивных НП можно выделить определенные группы высказываний, объединенных в коммуникативно-прагматические кластеры, содержащие предписывающие высказывания с различными интенциональными оттенками:

1. «Стимулирование деятельности» (например, «наказ», «совет», «инструкция»);
2. «Подавление деятельности» (например, «запрет», «предостережение»).

Приведем примеры для иллюстрации каждого коммуникативно-прагматического кластера:

1) «Доставай косы и серпы к Петрову дню» [Даль: 653], «Когда курица теряет свой хвост – смело начинай сев» [Грушко: 267], «Накануне Благовещенья сеют горох» [Даль: 645], «Ist die Fasnacht klar und hell, so stell bereit den Pflug nur schnell» [Schleer: 200], «Ist Maria gebor'n, Bauer, säe dein Korn!» [Schleer: 138], «Hat St. Peter das Wetter schön, kannst du Kohl und Erbsen sä'n» [Schleer: 70];

2) «В новолуние не сей хлеба, тощ будет всходом, молодой месяц вытянет из семян силу» [Грушко: 264], «Не хвали ветра, не извевя жита» [Мартынова: 239], «Если купаться после Ильина дня, то можно утонуть или заболеть» [Грушко: 121], «Den Weizen nicht in hellen Nächten säen» [Hauser: 537], «Vor Johannistag keine Gerste man loben mag» [Kostenzer: 31], «An St. Sebastian muss man entweder ertrinken oder erfrieren» [Binder: 64] и др.

Следует отличать собственно прескриптивные приметы от несобственно прескриптивных, или квазипрескриптивных, основная функция которых заключается в сообщении информации о предстоящем событии. Несобственно прескриптивные высказывания чаще всего встречаются в метеорологических приметах. Среди предикатов в несобственно прескриптивных паремиях используются глаголы императивной формы во 2-м л. ед. / мн. ч. (*жди, ожидай, встречай, провожай, распрощайся, знайте*):

«Если в октябре лист с березы и дуба опадает не чисто – *жди* суровую зиму» [Рыженков: 67], «Коли Парамон со снегом – *жди* метелей вплоть до Николина дня» [Рыженков: 76], «Луна покраснела – *жди* ветра-пострела» [Рыженков: 83], «При цветении ржи сполохов *жди*» [Рыженков: 90], «Вызвездило к вечеру – ночью *жди* мороз» [Рыженков: 93], «Днем хмарно, к

ночи ведрено – *жди* заморозка» [Рыженков: 93], «Когда зимою вверху слышится шум – то *жди* метели» [Ермолов-IV: 15], «Если лягушки прыгают на берегу и квакают – *жди* дождя» [Ермолов-IV: 87], «Если вороны зимой собираются целой стаей, летают, кружатся и каркают – *жди* снега или мороза» [Лютин: 6], «Если в мороз вспотели оконницы и рамы окон – *жди* потепления» [Лютин: 8], «Увидел грача – весну *встречай*» [Лютин: 24], «Прошел Медовый Спас – *провожай* лето» [Лютин: 70], «На Матвея с хорошей погодой *распрощайся*» [Лютин: 83], «Если на черной кочке увидели грача, *знайте*, что под водой началось пробуждение» [Лютин: 24].

В приметах может содержаться информация как о наступлении определенных событий, так и об их ненаступлении. Ср. употребление ментальных глаголов *ждать*, *верить* в сочетании с отрицанием *не*:

«Если ночью был иней – днем снега *не жди*» [Рыженков: 91], «Привалит в декабре снег вплотную к заборам – *не жди* хорошего лета, а если останется промежуток – лето будет урожайное» [Степанов: 189], «Если на Антона-перезимника (30 января) тепло – *не верь*, это только на один день, мороз будет» [Лютин: 12].

Большое значение в системе ожиданий человека играет установка на позитивный исход событий. Это объясняет наличие большого количества примет, содержащих сведения о наступлении хорошей погоды с вариативными лексико-грамматическими способами репрезентации прогнозируемой информации:

«В продолжительное ненастье птицы вдруг петь начали – *жди солнышка*» [Рыженков: 104], «Летним утром прошел маленький дождь – днем *жди хорошей погоды*» [Рыженков: 105], «Осенью утро серенько – *жди красного денька*» [Рыженков: 106], «Паук располагает паутину колесом – *жди ведро*» [Рыженков: 106].

В квазипрескриптивных паремиях наряду с использованием императивных форм глагола регистрируется параллельное употребление инфинитивной конструкции *надо ожидать* в различных вариантах:

«Если петухи в сильные морозы поют рано – *надо ожидать* теплой и умеренной погоды» [Ермолов-IV: 63], «Если крот делает высокие кучи, *надо ждать* плохой погоды» [Рыженков: 108], «Если солнце при восходе кажется несколько больше обыкновенного – *нужно ждать* дождя» [Ермолов-IV: 243], «Если глухари не токуют и не поют – *нужно ждать* ненастья» [Лютин: 22].

Таким образом, анализ паремиологического материала позволяет утверждать, что народные приметы могут быть систематизированы как по тематическому принципу на основе семантического анализа ключевых лексем, входящих в состав народной приметы, так и по функциональному принципу, предполагающему выделение дескриптивных, оценочных и прескриптивных паремиологических единиц.

Литература

1. Агринский К.Ф. Русские народные приметы о погоде и их значение для практической метеорологии и сельского хозяйства. Саратов, 1899.

2. Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М., 1986.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963.
4. Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб, М., 1880.
5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2003.
6. Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
7. Ивин А.А. Аксиология. М., 2006.
8. Кулькова М.А. Герменевтика народной приметы: когнитивно-прагматический аспект изучения: Монография. Казань, 2011а.
9. Кулькова М.А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дис... д-ра филологических наук. Казань, 2011б.
10. Моррис Ч.У. Из книги «Значение и означивание» // Семиотика / Под общ. ред. Ю.С. Степанова. М., 1983. С. 118-132.
11. Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет // Паремнологические исследования. М., 1984. С. 294-299.
12. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1913.
13. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. М., 1832-1834.
14. Фаттахова Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект. Казань, 2002.
15. Харченко В.К., Тонкова Е.Е. Лингвистика народной приметы. Монография. Белгород, 2008.
16. Христофорова О.Б. К вопросу о структуре приметы // Arbor mundi = Мировое дерево. М., 1998. Вып. 6. С. 30-47.
17. Hare R.M. Description and evaluation // The language of Morals. London, Oxford; New York, 1972. P. 111-126.
18. Hauser A. Bauernregeln. Eine schweizerische Sammlung mit Erläuterungen. Zürich u. München, 1973.
19. Kaserer H. Bauernregeln und Lästige in kritischer Betrachtung. Wien, 1926.
20. Knapp E. Volkstümliches in den romanischen Wetterregeln. Tübingen, 1939.

Источники

21. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских примет. М., 2003.
22. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2001.
23. Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. В 4 томах. Т. 4: Народное погодоведение. СПб., 1905.
24. Лютин А.Т., Бондаренко Г.А. Народное наследие о приметах погоды: Календарь. Саранск, 1993.
25. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. Г.Д. Рыженков. М., 1992.
26. Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост. А.Н. Мартыновой, В.В. Митрофановой. М., 1997.

27. Степанов В.А. Народные приметы о погоде (в четырех сезонах). Казань, 1997.
28. Bauern- und Wetterregeln / E. Binder. 2. Auflage. Stuttgart, 2003.
29. Kostenzer H., Kostenzer O. Alte Bauernregeln. Rosenheim, 2003.
30. Schleer I. Bauernregeln und Wettersprüche. Weilheim, 1986.